

1

Лгун Сердце-Камень

Хедвика шла на рынок за земляникой и миновала уже половину пути, когда лаггард пригнал в долину густые тучи. Резкий и пыльный ветер, вестник дождя, заставил её поторопиться. Придерживая локтем корзинку, подхватив юбку, она припустила к таверне, приютившейся среди холмов. Рынок раскинулся у самого «Каменного Короля», и вдалеке, в тёплом преддождевом мареве, уже виднелись алые пятна палаток и серые, сшитые из мешковины крыши...

Дождь нагнал её у самой ограды: крупные солоноватые капли застучали по земле, обращая пыльную каменную тропу в чёрный глинаец. Хедвика поскорее нырнула под черепичный навес, пригладила волосы и наконец перевела дух, глядя на тяжёлые кучевые облака, обложившие горизонт. По вересковым низинам, по пшенично-золотым полям хлестал косой дождь, а выше, в блеске и серебре молний, малиновой короной занималась ранняя чистая заря.

Она рассеянно улыбнулась, отвела от лица прилипшую прядь и вошла в таверну. Дождю следовало дать время поутихнуть, а уставшим ногам — отдох-

нуть. Она шагала зыбкой песчаной тропой от самого Йона, утомилась и, радуясь внезапному дождю, уже предвкушала миску тушёного картофеля с овощами и чашку горячего кэроба.

В «Каменном Короле» было тихо и пустынно: в обычные дни обеденный зал оживал лишь к ночи. Но дождь обещал хозяину скорую прибыль: застигнутые ливнем путники вот-вот доберутся до крыльца и набьются внутрь, а какой приют в таверне без еды, песен и доброй кружки грушевого сидра?

В просторном и сумрачном зале пахло розмарином, жареным карпом, кислым вином и хмелем. Под потолком притаились деревянные фигурки грифонов и химер, а широкие массивные столы украшала резьба в виде голов грвцев, разинувших свои пасти в ожидании угощений. Посетителей было не больше десятка: трое мужчин у стойки, юноша с плетёным коробом за спиной и лепёшкой в руках и бородатые купцы за круглым столом — ударив по рукам, они мрачно праздновали тёмную сделку.

Хедвика прошла к узкой скамейке у пыльного окна. Сквозь стёкла частого переплёта было видно, как от деревни к таверне спешат промокшие странники. Она провела пальцем по липкому витражу, размышляя, что сделала бы, будь в её рукаве не только четыре медяка, но и пригоршня-другая каменной пыли. Может быть, прекратила бы дождь — такой ливень побьёт пшеницу и виноград, намочит солому на крыше хлева и размочит дорогу к маслобойне и мельнице. А громадные цветники, картофельные поля и наливные чернорецные лозы превратит в бурые гряды, по которым понесутся стремительные реки лаггардова дождя... Да, будь у неё каменная пыль, она прекратила бы дождь. А может, просто ушла бы с виноградников, позабыв обо всех заботах.

Водрузив на тёмный, изъеденный червём стол блюдо с горячим картофелем и бледно-розовым крутобоким редисом, Хедвика принялась за еду. Но не успела она обмакнуть редис в крохотную розетку с мёдом, как на скамью напротив ловко и бесцеремонно скользнул юноша в тёмном плаще с переливчатым зелёным кантом.

«Или не юноша, — с любопытством подумала Хедвика, приглядываясь к горячему, густому мареву каменной магии вокруг незнакомца. — Кто это?»

— Доброе утро, леди, — склонив голову, приветствовал её незнакомец. Были в этом приветствии и хитрый прищур, и самодовольство, и усмешка. Хедвика одёрнула залатанные рукава и отпрянула, скрестив на груди руки. Незнакомец оскалился — сверкнули в улыбке ровные, блестящие, что белая смородина, зубы, полыхнули серебристые глаза. Он откинул капюшон, и Хедвика заметила в его волосах пряди инея.

«Вовсе не юноша».

— Маг выискался, — нарочно глядя в сторону, процедила она. — Думаешь, над каждым насмеяться можешь, коли каменной пыли полная сума?

— Девицы с виноградников — странные существа. Вроде бы знают только корыто, да коромысло, да бочки в погребке, а погляди — раскрыла мой секрет, не успел я и глазом моргнуть. Как ваше имя, виноградная леди?

— Кто это вам сказал, что я с виноградников?

— Такая дерзкая и в лохмотьях. Глаза что блюда, а на блюде мятый картофель, потому что на рыбу медаков в дырявом кармане недостаёт. Откуда, как не с Йона?

Хедвика, покраснев, безотчётно оглядела свой наряд. Холщовое платье в пол, фартук хоть и це-

лый, но застиранный, в разводах едкого травяного сока. Сказала бы, что накидку нарочно выбирала подлиннее — скрыть бахрому на подоле и заплаты на локтях, — да соврала бы: не так уж много у неё было накидок, чтобы выбирать.

— Кутаешься ты в свои латаные рукавички, как воробушек в пёрышки, — усмехнулся серебристо-глазый. — Что, совсем туго нынче у виноделов дела? Хотя о чём говорить, такие дожди...

Он отстегнул аграф¹ в виде барбарисовой кисти и сбросил камлотовый плащ. Под ним оказалась тёмная рубашка с лесным узором: и зелень, и синь, и чернь... «Словно рыцарь с запада», — с восхищением глядя на дорожную ткань, подумала Хедвика. Но вслух бросила:

— Небось сам их и насылаешь!

Зал тем временем оживлялся: подтянулись сельчане с окрестных деревень, пахари с ячменных полей, молодые ведьмы из редколесья, да и горожане с самого Грозогорья — все мокрые, что мыши. Пёстрая толпа рассаживалась за столами, шумела у стойки, гомонила, хохотала и словно чего-то ждала.

— Меня ждут, — будто прочитав её мысли, подмигнул незнакомец. — Я ведь Сердце-Камень.

— Всё ты врешь, — скривилась Хедвика, впрочем, не слишком уверенно. — Будь ты Сердце-Камень, были бы при тебе и менестрели, и скрипачи...

— Я сам себе менестрель. Скрипач мне не нужен. А вот лютник...

— Эй! Леди и господа! Жители Грозогорья и окрестья! — раскатился по влажному тёплому воз-

¹ Аграф — застёжка, пряжка (здесь и далее прим. автора).

духу бас хозяина. — Рад представить: неуловимый и сладкоголосый скальд Сердце-Камень! Северные баллады, суровые саги, драконьи сказки — для вас! Усаживайтесь, сушитесь, заказывайте яства. Сидр и медовуха, истории и менестрели — всё для вас в таверне «Каменного Короля»!

— Вот так названьице, — пробормотал серебрястоглазый, выбираясь из-за стола. — Так вот, милая. Скрипач мне без надобности. А вот лютня сегодня пришлась бы кстати. Поможешь?

И не успела она оглянуться, как незнакомец, назвавшийся Сердце-Камнем, схватил её за руку и повлёк за собой к очагу.

— Заодно и высохнешь!

— Но я не умею играть на лютне! — воскликнула она, тщетно сиюсь перекрыть нарастающий гул голосов. Не слушая, он вскочил на край длинной лавки и приложил руку к груди:

— Леди и господа! Сегодня я не один!

Под хохот и шумные рукоплескания Хедвика едва не поскользнулась в луже кислого липкого эля.

— О-опс! Держитесь, моя леди! К очагу! — И он повлёк её за собой дальше и дальше под свист толпы, крики хозяина и гулкий грохот самого «Каменного Короля». От очага уже отодвигали лавки, отгесняли зрителей, подбрасывали в алое чрево шипящие поленья.

— И, милая моя, вот уж не ври, — ловко шагая по лавке, с лукавой улыбкой оглянулся через плечо Сердце-Камень, — вот уж не ври, что на лютне не играешь. Такая мастерица, как ты, во всех Семи землях ещё только одна — племянница правителя.

— Нет и не было у меня лютни! Не умею! — крикнула Хедвика. — Что я тебе сыграю? Я и песен твоих не знаю, врун!

— Шумно! Не слышу! — смеясь, воскликнул он и спрыгнул со скамьи. Подхватил её под руки и потащил к каменному кругу у очага. — А лютня твоя — вон она!

И указал за спину. С ужасом и восторгом от близости настоящей магии Хедвика оглянулась и увидела за своим плечом тёмный футляр из плотной ткани. По форме — точно для лютни.

— Сыграем рил!¹

И грянули скрипки, флейты и дудки, запели жалейки, серебряные шары со звоном раскатились по полу, а в воздухе повисли искры и звёзды. Запахло травяным сбитнем, опасным летом.

— Угощаю! — крикнул хозяин таверны и опрокинул на соломенный пол огромный гудящий чан. Под брызги, под плеск и хохот Сердце-Камень выхватил другую лютню, прищёлкнул по дереву и ударил по тонким струнам:

*Сколько бы ты ни видал земель,
Самый отменный готовят хмель
Там, где янтарная карамель
Бурной течёт рекой!
Где ты бывал? В золотых краях?
Где ты русалок видал и прях?
Ну-ка, сыграем, душа моя,
Ну-ка, долой покой!*

Долго не утихал народ — просили песен ещё и ещё.

Сам хозяин подносил певцам оловянные чаши с медовухой. Пальцы Хедвики, не ведая как, летали

¹ Р и л — весёлый, тревожный, «бегущий» танец, распространённый в Ирландии и Шотландии.

по струнам, улыбка не сходила с лица, и двигалась она, точно марионетка, в такт песням Сердце-Камня. Грустные сказки сменялись весёлым воем, витые баллады сбивались на присказки, а сердце колотилось так, что едва приходилось дышать: после покоя сумеречных виноградников, после тишины лесных угодий наконец-то окутывало, оглушало её настоящее, живое колдовство.

— Ну, милая, нравится? — спросил, сверкая полынными глазами, менестрель. — Довольна?

— А как же, — отдышавшись, смеялась Хедвика, да только и смех был словно не по своей воле, словно наворожённый.

— Пойдём отдохнём, виноградная лоза. Эй, леди, господа, дайте передышки! А ты, Каменный Король, принеси-ка нам еды, да послаще. Отдохнём — ждите новых песен! Дождю длиться долго, а Сердце-Камень не подточить! Э-хэй!

А покуда они устроились за точёным рябиновым столом у окна, народ пустился в пляс. Звёзды в воздухе смешались с пылью и соломой, запылали факелы, засияли под каменным потолком светлячки. Бородатый развесёлый хозяин таверны подошёл, покачиваясь под тяжестью подноса, выгрузил яства на стол, лихо сдвинул колпак на густых пшеничных космах:

— Сударь! Сударыня! За счёт заведения! Каменный Король угощает!

Изголодавшаяся Хедвика, у которой с утра во рту ничего кроме давешнего картофеля не было, потянулась к тарелке с сырами, к плоске с орехами, но не успела и кусочка на вилку наколоть, как тонкая смуглая рука лютника перехватила её запястье:

— Подожди, милая. Успеешь насытиться. Вот на это посмотри.

Огляделся по сторонам и вытащил из-за пазухи полотняной мешочек, в каких лесные колдуны носят руны. Встряхнул — деревянно-каменно перестукнуло внутри, будто и вправду руны, — развязал кожаный шнурок и высыпал в пустую пиалу пригоршню ягод.

Крупная, светло-жёлтая, зернистая малина, ласково-золотая облепиха, розовая клюква — бока упругие, в росистых каплях, словно только что сорвана. А под ними брусника, черешня, голубика, смородина... От блюдца шёл одуряющий аромат, но не того тихого леса, в каком Хедвика блуждала у виноградников, а другого — тёмного, сказочного, что гостям не рад и лишь колдунам подчиняется.

— Винограда нет, уж прости. Да он тебе и без того поперёк души, пожалуй. Выбирай, милая. В благодарность за помощь.

— Ягодами благодаришь? — усмехнулась Хедвика, протягивая руку к манящей клюкве. И вновь не дотянулась: лютник перехватил её пальцы и прошептал:

— Навсегда запомни: ягоду тронешь — магию потеряешь. В том их ягодное волшебство, что нетронутыми растут — ни рукой, ни мыслью. Не думай ни о чём. Отпусти мысли! Ну?

«Что это он?..» — подумала так и сама не заметила, как забылась, словно вниз по реке унеслась. Лодка плывёт, скрипят вёсла, а по берегам, по самой воде, стелются еловые лапы. Ухают совы, и первые звёзды в пасмурном небе узоры чертят...

Очнулась, вздрогнула — грудь вздымается, будто и вправду в лодке только что мчалась.

Глянула — а в пиале уже не ягоды. Вместо них протягивает ей лютник витой браслет: на тонкой серебряной цепочке каменная малина, продолгова-

тая облепиха, резные листья из лучистого малахита. Легли камни в ладонь тугой тяжестью, и вдруг что-то откликнулось в сердце, тревожно встрепенулось.

— Твой синий шар отзывается. погоди, не буди его, сам в своё время ото сна отойдёт... А пока айда танцевать!

Что за дивный браслет, что за синий шар? Хедвика растерянно укрыла в ладони цветные камешки, но сжать побоялась, словно живые ягоды держала, а не ледяные каменья. Да только не успела оглянуться, как браслет скользнул в широкий рукав, а сама уже закружилась, понеслась с менестрелем в дыму и чаду, под топот и смех. Пылал очаг, плыли по воздуху блики, разливался весёлый рил, и мир вокруг, словно пёстрой каруселью, вёл её по всем Семи землям...

А потом враз стихла музыка, остановилось всё, кроме заполошного перестука на сердце, застыло пламя. Поклонился тот, кто назвался Сердце-Камнем, прищёлкнул пальцами — и исчез. А по всей таверне брызнули из огня серые искры, каменная пыль, магия высшей пробы. Толпа охнула, дрогнула, стукнула секунда — и бросились все, не разбирая дороги, к очагу, к крохам колдовства.

Хедвика сама не знала, как вывернулась из свары, выскочила на крыльцо, бросилась под певучие струи. Дождь потеплел, по лицу, по рукам и за шиворот потекли мягкие водяные змеи. Одна под браслет забралась — там и свернулась среди каменных ягод. А те блеснули колдовской пылью — мол, знай, Хедвика, какое богатство тебе на руку выпало, — и поутих блеск.

Оглянулась на таверну — из трубы дым, из дверей шум — и вспомнила, что корзину свою у стола оставила. Но на что ей корзина, на что ей теперь